

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2013
XXII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
200
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Т о м X X I I

Экспресс-выпуск • Express-issue

2013 № 900

СОДЕРЖАНИЕ

1943-1965 Кольцо жизни.
К столетию со дня рождения
Николая Петровича Кадочникова
(1913-1964).
А. Н. КАДОЧНИКОВ

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXII
Express-issue

2013 № 900

CONTENTS

1943-1965 The ring of life.
On the centenary of the birth
of Nikolai Petrovich Kadochnikov
(1913-1964).
A.N.KADOCHNIKOV

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

Кольцо жизни.

К столетию со дня рождения

Николая Петровича Кадочникова (1913-1964)

А.Н.Кадочников

Алексей Николаевич Кадочников. Санкт-Петербургский государственный университет.

Поступила в редакцию 17 июля 2013

Восьмого августа 2013 года исполняется 100 лет со дня рождения известного советского орнитолога Николая Петровича Кадочникова. На долю большинства людей того поколения выпали суровые испытания: послереволюционное детство, рабочая юность, предвоенные годы учёбы, финская и Великая Отечественная войны, ранения, полевые госпитали, невосполнимые потери родных, близких, друзей. Трудные послевоенные годы, проведённые в экспедициях по нашей бескрайней стране, напряжённая работа – буквально на износ, чтобы наверстать упущенные из-за войны годы.

Николай Петрович Кадочников.
Начало 1930-х годов.

Отца не стало, когда ему было только пятьдесят лет, а мне исполнилось лишь двенадцать. Мы виделись с ним непростительно мало: каждые весну, лето и осень он проводил вдали от дома, в экспедициях.

Однако он успел дать мне очень много того, что несу по жизни. Любовь к природе, неуёмную страсть к охоте и рыбалке, стремление к познанию нового, а главное – потребность жить в согласии с окружающим нас миром. Несомненно, большой вклад оказала и наша замечательная семья, и друзья, и профессиональное окружение, его ученики и последователи. Всё, что мне говорили, рассказывали и показывали, запомнилось в мельчайших деталях, а как хотелось бы сейчас расспросить ещё о многом, но поздно – не осталось в живых уже почти никого, кто мог бы ответить на мои вопросы.

Николай Петрович Кадочников. 1950-е годы.

Несколько лет назад наш университетский зоолог Александр Васильевич Бардин попросил меня написать небольшой очерк об отце к серии переиздаваемых его научных статей. Всего несколько страниц. Я написал, «А больше?»,— спросил он. «Сколько?» «Ну, страниц сто...». А это уже целая книга, причём сложная, и не только об отце – обо всей семье. До сих пор не закончил. Выяснил, что семейные корни растут не с Урала, как мы все считали. Ещё во времена «Стрелецкого бунта»

предки были сосланы на Урал из Москвы, а бабушка Агриппина Ивановна, урождённая Кострикова (двоюродная сестра Сергея Мироновича Кирова) – внучка австрийского барона Карла Вильсдорфа, вообще непонятно каким образом попала в деревню Бикбарда Пермского края. Сколько раз за последнее время история переписана, немало напутано, так что нелегко отделить зёрна от плевел. Заниматься восстановлением родового древа пришлось специально, долго и кропотливо, большим трудом разыскивая отдельные документы, подтверждающие или опровергающие то или иное предположение.

Зоя Петровна Кадочникова (Зусмановская).

Дед Пётр Никифорович Кадочников, умерший во время блокады Ленинграда в 1942 году, в биографии писал «мелкий служащий». В автобиографиях и отца, и дяди – Павла Петровича, трижды лауреата Сталинской премии, народного артиста СССР, Героя социалистического труда, и тёти – Зои Петровны, окончившей Институт иностранных языков и рано вышедшей замуж за выдающегося советского физика, дважды лауреата Государственной премии, одного из основателей отечественной электроники профессора Савелия Александровича Зусмановского, значилось «из рабочей семьи». Первая (самая старшая) дочь в семье Петра Никифоровича и Агриппины Ивановны умерла ещё в отрочестве, она тоже была названа Зоей.

Однако, как выяснилось, дед до революции служил управляющим Николаевской железной дорогой, имел свой дом в Санкт-Петербурге, выезд с тройкой лошадей, что теперь говорить... В конце 1917-го года он спешно вывез всю семью на уральскую прародину. Потому, полагая, все и уцелели и вернулись в Ленинград в 1927 году, где Пётр Никифорович получил работу на заводе «Красный путиловец». При этом его родной брат Александр Никифорович, путиловский рабочий, и гражданскую, и финскую войну в кавалерии прошёл, а всю Великую Отечественную в партизанах провоевал.

Павел Петрович Кадочников.

Александр Никифорович вообще очень «воинственный» был. Однако и отец, и сам я с ним очень дружили. Дядя – меньше, уж очень они яростно и бурно спорили. У двоюродного деда (я его почитал за родного и называл просто – дед) так же как и у отца, работавшего до поступления в университет модельщиком на Путиловском заводе, были поистине «золотые руки». Дед Саня всегда что-нибудь мастерил, конструировал и строил: складные лодки, байдарки, палатки, делал хорошие охотничьи ножи и патронташи, уникальные рыболовные снасти (катушки, спиннинги, удилица), а затем всё это дарил и принимался делать другое. Унаследовав, видимо от прадеда, неуёмный дух противоречия, он был человеком сложным в общении и прямой противоположностью в этом смысле моему отцу.

Павел Петрович Кадочников на утиной охоте. 1960-е годы.

Александр Никифорович Кадочников в самодельной палатке. 1960-е годы.

Николай Петрович же был удивительно мягким, деликатным и тонким человеком. Ни разу ни от кого из родственников, друзей или знакомых я не слышал, чтобы папа вспылil или даже чуть повысил

голос. Зато прадед Никифор, по словам отца, дяди и тётки, обладал несносным ворчливым и вредным характером, дети его побаивались. Наделённый от Бога недюжинным здоровьем и силой, он прожил на Урале до 114 лет, и, наверное, ещё жил, если бы в свои сто четырнадцать не пошёл ловить налимов зимой и не провалился под лёд. Сам выбрался, домой пришёл ледяной глыбой и, как мне дядя рассказывал, имитируя характерный уральский говор, велел прабабушке Марии, которая была лет на пятьдесят младше него: «Ты мне, Маша, баню стопи, попарюсь, чаю попью, да помирать стану». Дождлся бани, попарился, оделся в чистое, чаю попил и к ночи умер.

Сто четырнадцать – не тридцать, даже не шестьдесят! Интересная у нас была семья, яркая...

Павел Петрович Кадочников.
Большое Раковое озеро на Карельском перешейке. 1960-е годы.

В 1938 году отец с отличием окончил Ленинградский государственный университет, специализируясь на кафедре зоологии позвоночных биологического факультета вместе со своими ближайшими товарищами – Павлом Сергеевичем и Алексеем Сергеевичем Мальчевскими. Считается, что Павел Сергеевич вскоре погиб – пропал без вести в августе 1941 года на Ленинградском фронте близ Луги. Тесная же дружба отца с Алексеем Сергеевичем продолжалась всю жизнь. В честь Алексея Сергеевича Мальчевского и меня называли Алексеем.

Я часто вспоминаю их встречи, разговоры и обсуждения научных проблем, совместно проведённые месяцы под Лугой, поездки на рыбалку и охоту, отлов и кольцевание птиц. Помню, Алексею Сергеевичу

каким-то чудесным образом досталась японская сеть-паутинка для ловли мелких птиц (в начале 1960-х это было действительно чудо). За-
ворожённый, я смотрел, как нежно они выпутывали попавшихся в сеть
птичек, внимательно осматривали их, одевали на лапки кольца, акку-
ратно записывали сведения и отпускали окольцованных птиц на волю.
Жаль, совсем недолго это продолжалось: на второй или третий день в
паутинную сеть попала соседская корова, и всё... Расстроились оба,
конечно, но и смеялись от души.

Александр Никифорович Кадочников в самодельной байдарке.
Лемболовское озеро на Карельском перешейке, 1960-е годы.

Александр Никифорович Кадочников на охоте. 1960-е годы.

Продолжая семейные охотничьи традиции.
Алексей Николаевич Кадочников, сын Николая Петровича.
Ленинградская область, 24 ноября 2012 года.

Многие годы, уже после того, как отца не стало, мне посчастливилось встречаться и общаться с его младшими коллегами и учениками: Эмилией Николаевной Головановой, Модестом Владимировичем Калинин, Юрием Болеславовичем Пукинским, с которым мы немало раз вместе охотились. Надо сказать, что орнитолог Юрий Пукинский практически не охотился на птиц, считая это для себя зазорным. Юра говорил, что слишком хорошо знает их повадки и прогнозирует поведение, поэтому у объекта охоты нет шансов, а это бесчестно. Но на лосей и кабанов ездили вместе и, как правило, успешно. Отец же охоту на зверя любил меньше, ему рыбалка даже больше охоты нравилась.

Знаю многих биологов, которые рыбалку предпочитают охоте. Среди них и мой давний друг, ученик Алексея Сергеевича Мальчевского, университетский орнитолог, директор Балтийского фонда природы Рустам Абдуллаевич Сагитов. Алексей Сергеевич завещал ему своё редкое

После занятий по гидробиологии во дворе на 16-й линии Васильевского острова. Второй слева Н.П.Кадочников, крайний справа – П.С.Мальчевский. 5 марта 1937 года.

Современный вид здания на 16-й линии, где расположены кафедры гидробиологии и ихтиологии, а также почвоведения Санкт-Петербургского университета. 2013 год.

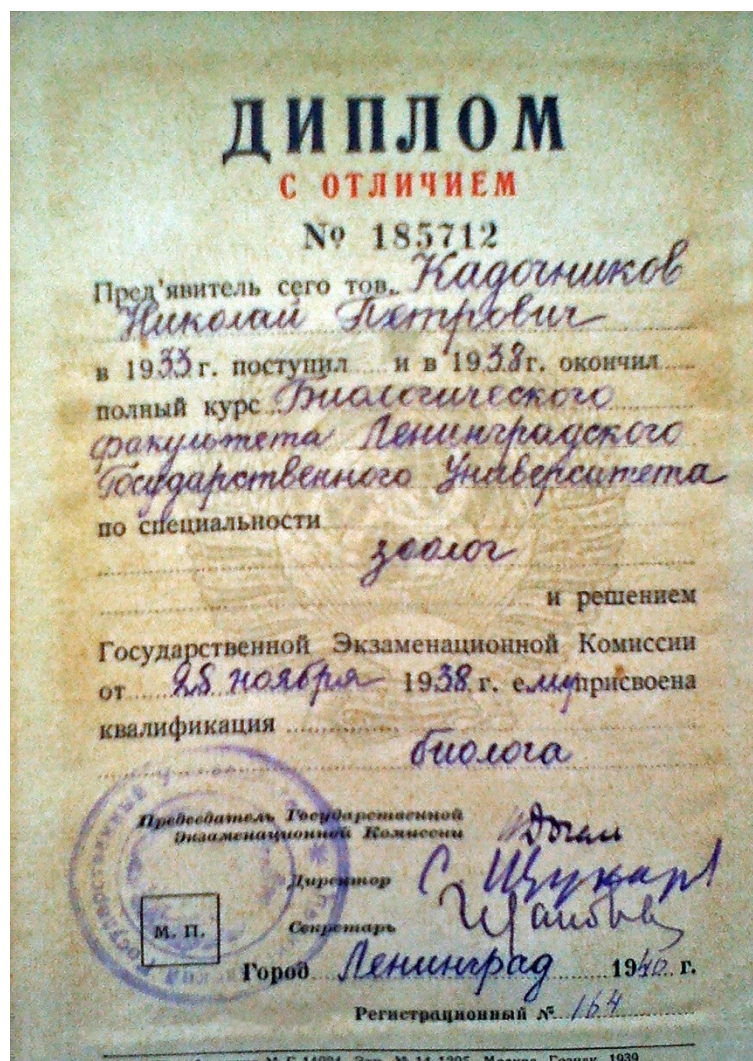
Студенты-зоологи на практике в Средней Азии.
Справа: стоит Н.П.Кадочников, сидит А.С.Мальчевский. 1930-е годы.

Студента-биологи на военной подготовке. П.С.Мальчевский (первый),
А.С.Мальчевский (второй), Н.П.Кадочников (пятый). 1930-е годы.

Здания Санкт-Петербургского университета на Университетской набережной. 1990-е годы.

охотничье ружье, это ружье с детства помню, но случаи, когда Рустам им пользовался, можно пересчитать по пальцам. А рыбу любит ловить и ловит мастерски. Рустам в некоторой степени тоже наследник моего отца, поскольку орнитологическую библиотеку Николая Петровича я стал понемногу передавать ему.

Недавно разговаривал с Модестом Владимировичем Калинин, широко известным зоологом, знатоком и страстным любителем охоты из Лесотехнической академии, которому уже 86 лет, и он мне напомнил случай, о том, как много лет назад они втроем с отцом и Алексеем Сергеевичем Мальчевским ездили зимой на охоту в Псковскую область, в деревню Гашково. Правда, я и так это помню, поскольку был тогда очень расстроен, что меня не взяли (мал ещё был), но некоторых деталей не знал. «Ты, Модест, помладше, а собаки у нас нет. Будешь вместо гончей», – сказал Мальчевский. Так он зайцев вместо собаки и гонял, стрелял Алексей Сергеевич, а отец на Чудское озеро отправился налимов ловить. Каждому досталось по зайцу и по мешку налимов. Когда улов был выложен дома из мешка, мне казалось, что налимы эти были огромными, гигантскими сказочными рыбами, но сейчас думаю, что в детстве всё кажется больше, чем сейчас.

Н.П.Кадочников около ВИЗР. Конец 1950-х – начало 1960-х годов.

Отец работал во Всесоюзном институте Защиты растений (ВИЗР), что на Исаакиевской площади. Не раз он брал меня с собой, чтобы показать коллекции чучел птиц, рассказывал об их жизни и поведении, показывал гнёзда. Жаль, не сбылся прогноз выдающегося советского зоолога Ильи Яковлевича Полякова, под руководством которого работал отец. Серьёзный седовласый профессор как-то спросил у меня, ещё

маленького мальчика: «Курицу любишь есть?» «Да», ответил я. «Будешь орнитологом!», — засмеялся Илья Яковлевич. Не стал я орнитологом, Алексей Сергеевич Мальчевский, когда пришло время поступать в университет, посоветовал выбрать более «современную» специальность — ядерную геофизику. Разумеется, я последовал совету своего крёстного отца, но, честно сказать, до сих пор жалею.

Н.П.Кадочников – инструктор по стрельбе. 1937 год.

С первых же дней финской войны, с начала декабря 1939 года, Николай Петрович Кадочников был уже на передовой в составе лыжного десанта. Будучи отличным спортсменом (лыжником, биатлонистом и альпинистом), он во время учёбы в университете вёл эти спортивные секции. Обе войны он провоявал в самых горячих точках, где обстановка требовала мастерства и подготовки высшего класса.

Отец рассказывал, как в городе Терийоки (ныне Зеленогорск) долго не могли засечь финского снайпера, показывал колокольню поныне стоящей там церкви, откуда он его «снял», как получил ранение и попал в госпиталь, а в следующую ночь несколько финских диверсантов вырезали всю его роту без единого выстрела.

Николай Петрович Кадочников в начале и конце войны.

Летом 1942 года, когда угрожая Сталинграду и Ростову-на-Дону, германские войска вышли на подступы к Кавказу, серьёзные бои развернулись под Моздоком, Нальчиком, Орджоникидзе, Туапсе. Враг стремился любой ценой прорваться в Закавказье, к черноморским портам. Началось одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны, вошедшее в историю под названием битвы за Кавказ. В Красной Армии началось формирование специальных подразделений парашютно-десантных войск для ведения боевых действий в горах в противовес отборной дивизии «Эдельвейс», «...в которой были собраны лучшие альпинисты, скалолазы, горнолыжники, задолго до начала

войны прошедшие хорошую альпинистскую подготовку. Завязались ожесточённые бои за овладение кавказскими перевалами», — писал Б.М.Бероев в книге «Приэльбрусье» (1984).

Отец воевал там, в Приэльбрусье, куда отбирали из уже подготовленных спортсменов — готовить новых не было ни времени, ни возможности. Прыгали с парашютом ночью на склон горы, непонятно как выживали на каменистых утёсах, возможно, отчасти благодаря тому, что были не только должным образом экипированы, одеты и обуты в американское удобное обмундирование и горную обувь (в нашей армии тогда этого не было), но и действительно были лучшими, отличными альпинистами, парашютистами и лыжниками. О тех днях мне много больше рассказывал его фронтовой товарищ, переживший отца всего на шесть лет — известный московский художник Евгений Васильевич Смирнов, ставший моим дядей (после войны они женились на сёстрах). Эти воспоминания о боях в Приэльбрусье выражены в десятках кавказских картин и этюдов, которые хранятся моим двоюродным братом Василием Смирновым. С ним мы провели детство в Москве и под Москвой в Загорянке. Уцелевшие вещи из военной экипировки отца я бережно храню как реликвии.

Старший лейтенант Н.П.Кадочников —
заместитель коменданта Будапешта. 1945 год.

В конце войны, когда наши войска заняли Будапешт, отца назначили заместителем коменданта этого одного из красивейших городов Европы. Сохранились его записные книжки с выписанными сложными

для нас венгерскими словами и выражениями. Учил трудный язык, чтобы легче было общаться с людьми, не прибегая к помощи переводчика, оказать им максимально возможную в тех условиях помощь. Он всегда старался жить для людей, не делая себе никаких поблажек и послаблений, чтобы было легче другим.

До войны после окончания университета отец работал в Зоологическом институте АН СССР, а в 1941 году перешёл в ВИЗР, где и трудился с перерывом на годы службы в армии и войны до конца жизни. В многочисленных экспедициях ему пришлось побывать и в Средней Азии, где он переболел тяжелой формой малярии, оставившей след на всю жизнь. В Азербайджане в 1941 и в 1946-1950 годах он за-

нимался изучением роли хищных птиц в динамике численности грызунов. Исследовал влияние химической обработки лесных полезащитных полос на птиц, проводил экспериментальную проверку действия пылевидных ядов (ДДТ, ГХЦГ, кремнефтористого натрия) на мелких насекомоядных и зерноядных птиц. В 1951 году защитил кандидатскую диссертацию «Роль хищных птиц в динамике численности общественной полёвки в степной зоне Азербайджана».

Много полевых сезонов провёл в Савальском лесничестве Воронежской области. Там он вместе с Алексеем Сергеевичем Мальчевским разработал и успешно применил методику прижизненного изучения питания гнездовых птенцов насекомоядных птиц с помощью наложения шейных лигатур. Первая публикация об этом появилась в 1953 году, и до сих пор метод широко применяется орнитологами разных стран. Ленинградский поэт Николай Баркалов, который был вхож в нашу семью, даже написал лет тридцать назад такое стихотворение.

КОЛЬЦО ЖИЗНИ

Светлой памяти

Николая Петровича Кадочникова

Видать, в наследство варварство досталось.
Чтобы науке доблестно служить
И доказать, чем Божья тварь питалась,
Её желудок полагалось вскрыть.
Учёные всех стран остепенились —
От кандидатов и до докторов —
Безжалостно в их честь уничтожались
Пернатых сотни, тысячи голов!..
И он занёс над бедной птахой скальпель,
Но... онемела, дрогнула рука.
«Ты лучше тех, что всем снимали скальпы?» —
Спросила вдруг душа фронтовика.
«Живи! Лети!» — ладонь раскрыл мгновенно:
Огнём сгорало от стыда лицо.
И в тот же день учёный вдохновенно
Во имя Жизни изобрёл кольцо!..
У орнитологов на всей планете
Твоё кольцо в работе и сейчас.
О, сколько тысяч птиц на белом свете
Ты мудрым, благородным сердцем спас!
Когда смотрю, как ярким днём весенним
Пернатых стаи радостно летят,
Мне кажется, они весёлым пеньем
Тебя от всей души благодарят!

Николай Баркалов

Там же, в Савальском лесничестве, отец занимался перемещением гнёзд большой синицы и горихвостки с целью увеличения плотности

населения насекомоядных птиц на определённых участках леса для борьбы с вредителями, изучал рацион птенцов сойки, как одного из основных видов для борьбы с сосновым шелкопрядом и дубовой пяденицей, привлечением кукушки, в пищу которой входили серьёзные вредители леса – мохнатые гусеницы разных видов.

Выводок сойки *Garrulus glandarius* в гнезде.
Савальский лесхоз. 1950-е годы. Фото Н.П.Кадочникова.

Я помню, с каким энтузиазмом и самоотверженностью, отводя на сон и еду совсем немного времени, почти как на войне, работал отец. Его невозможно было застать проводящим хотя бы несколько минут в праздности, он не любил застолий, пустых разговоров, разного рода пересудов, не терпел, тем более, сплетен и разного рода кривотолков. Более того, он никогда ни о ком не отзывался негативно, всегда мог найти положительные моменты и черты характера практически у любого человека, с кем доводилось встречаться и взаимодействовать.

Николая Петровича любили все – и люди, и птицы, и звери. В двух больших комнатах коммунальной квартиры на улице Лебедева близ Финляндского вокзала вместе с нами постоянно жили какие-нибудь пернатые и мохнатые существа. Соседка наша – одинокая, довольно сварливая, как мне помнится, женщина Юлия Петровна, мягко говоря, была не очень довольна. Бывало так, что численность питомцев доходила одновременно до двух десятков, жили щеглы, чижи, овсянки, самочка соловья (жаль, что не пела). Бесхвостый чёрный дрозд (кто-то, видимо, его пытался поймать – тогда этот вид был редкостью в Ленинградской области), домовые сычи, козодой, заяц-русак, который съел

все стружки изнутри дивана, абсолютно ручной ёж и ушастая сова — все на удивление уживались.

Кроме белых мышей и совы. Мыши время от времени прогрызали коробку, в которой жили, и разбегались по квартире, забираясь везде, в том числе в соседскую обувь, сова же их, разумеется, ловила. Так что, может быть, и не такая уж сварливая соседка была — кому такое понравится? Для совы по имени Тяпка на большой круглой печке, стоявшей в углу комнаты, был построен просторный марлевый вольер, дверцу которого никогда не закрывали, чтобы птица не испытывала ощущения неволи. Ей это нравилось, она бесшумно вылетала из своего дома тогда, когда ей этого хотелось, в основном, поздним вечером или ночью. Отца сова обожала: иногда я просыпался ночью и видел, как он работает за письменным столом, а сова неподвижно сидит у него на плече, широко расправив свои большие мягкие крылья, как бы обнимая его. Я не обижал птиц, но меня сова почему-то недолюбливала, норовила при случае вцепиться когтями в голову, что иногда ей и удавалось. Я, конечно, вопил, папа меня успокаивал, обрабатывал ссадины и царапины на голове спиртом, а дальше всё шло своим чередом.

Ушастая сова Тяпка (*Asio otus*).

Часто бывали у Мальчевских на Лесном проспекте, благо рядом, — у них тоже живности хватало. Особенно запомнилась говорящая канарейка Пинчи, сверхтонким голоском отчётливо произносившая человеческие слова: «Какая птичка! Миленькая птичка, Пинчи, Пинчи, Пинчи» и рыжая собака Алексея Сергеевича, которая тоже два слова выговаривала «мама» и «Маша», будто бы его дочку Машу звала.

Н.П.Кадочников (в центре) в Савальском лесничестве. 1951 год.

Н.П.Кадочников на берегу Савалы. 1950-е годы.

В один из полевых сезонов я упросил отца взять меня с собой в экспедицию. Это было Савальское лесничество в Воронежской области. Впечатлений – на всю жизнь. Рано утром прилетали и будили ото сна ручные сороки, стучали клювами в окно, просили каши. Идём с отцом по дороге – в небе несколько воронов. Отец крикнет вороном несколько раз, один отделится, кругами спустится, сядет к нему на плечо и теребит его за ухо. Потом взлетит, крикнет, прощаясь, и поднимается в небо, догоняя товарищей. Меня тоже научил папа вороном кричать, очень даже похоже, но ко мне вороны на плечо никогда не садились.

Едем в баню по лесной тропинке на мотоцикле, я – на бензобаке с привязанной подушкой сижу, чтобы не свалился. Мотоцикл был из первых советских – «Минск», одноместный, без амортизаторов на заднее колесо, со слабеньким двигателем, он даже в горку «не тянул», приходилось слезать и помогать ему. Тогда всего три мотоцикла было: «крутой», как сейчас говорят, девятисильный «ИЖ-49», тяжёлый «М-72» с коляской и «Минск». Тропка узкая, петляет меж диких груш, яблонь и терновника. Деревня, где мы тогда располагались, кстати, тоже Терновка называлась. Тепло, даже жарковато, воздух пропитан густым изумительно вкусным запахом перезревших фруктов.

Лёша Кадочников на берегу речки Савалы. Терновка, 1956 год.

Вдруг через тропку перелетел огромный филин, видимо где-то рядом с тропой дремал перед ночной охотой, сел спросонок на дерево рядом, да неудачно: ветка слишком тонкая была, он и перевернулся вниз головой, а лапы разжать не может, так и висит. Отец меня снял с бензобака, мотоцикл быстро положил на бок, схватил плащ-палатку, обернул ею филина, отцепил его лапы от тонкой ветки. Обратно пешком пошли, оставив мотоцикл, поскольку отец завёрнутого в плащ-палатку филина нёс. В баню не попали, конечно, зато филин всё лето жил в вольере, но, похоже, был недоволен, хлопал своими огромными круглыми глазами и смотрел на меня недружелюбно и угрюмо.

Тогда же отец научил меня ловить на речке Савале осторожных крупных карасей. Возможно, не столь уж и крупными были те караси, но по сравнению с подмосковными карасями размером с детскую ладошку, конечно, они были большими. Я их, наловленных, аккуратно запускал в ведро с водой, потом гордо приносил домой добычу, и они долго жили в большой дубовой бочке, стоявшей рядом с домом для сбора дождевой воды.

Возьму, бывало, большое пустое ведро, перочинный ножик — и в ближнюю дубовую рощу метрах в двухстах-трёхстах от дома, там росло несметное количество рыжиков, а я уже тогда, благодаря папе, хорошо научился в грибах разбираться. Ведро насобираю — самому не донести, прибегу домой за помощью. Отец принесёт ведро с рыжиками, каждый гриб осмотрит, не срезал ли несъедобный, похвалит. Солить грибы хорошо научил, так я всю жизнь этим рецептом и пользуюсь. Удивительно, столько лет прошло, а всё в мельчайших деталях помнится: запах перегретого солидола от полуразобранной «полуторки», смешанный с запахом полыни, ярко-синие цветки цикория, кусты терновника, усыпанные мелкими, плодами, которые мне так нравились. Но больше всего — папины доходчивые рассказы и объяснения, которые он находил на все мои многочисленные вопросы о животных, птицах, растениях, обо всём, что нас окружало.

Помню, идём на лодке потихоньку на вёслах вдоль зарослей куги по озеру Мерёво под Лугой с «дорожкой» со слабой надеждой поймать щуку. Начало августа, вода тёплая, надежда на трофей действительно призрачная. Алексей Сергеевич Мальчевский на вёслах, отец снасти вяжет, я сижу лицом вперёд, поскольку мне интересно и видеть, как папа снасти готовит, и слышать всё, о чём они говорят. Самодельный дедов старый спиннинг держу прямо перед собой, и так его расположил почти вертикально, что распущенная леска с привязанной блесной проходит над головой. Отец взглянул, улыбнулся, посоветовал повернуться хотя бы боком: «вдруг поклёвка — упустишь, не сумеешь подсечь». Но как-то он сказал это полусуто, а мне интересно послушать, что они с Алексеем Сергеевичем обсуждают, не повернулся. Минуты не прошло — поклёвка, да серьёзная, рывок, спиннинг ломается пополам и, разумеется, удар приходится мне прямо по голове. Искры из глаз, кровь, больно, но это значения не имеет — главное, чтобы щука не сорвалась. Не сорвалась, отец руками за леску вытащил, большая щука, видать, сильно голодна была и хорошо схватила. На всю жизнь запомнил.

Не тускнеют яркие воспоминания и о том, как собирались практически все Кадочниковы, в том числе и московские, вместе с Мальчевскими под Лугой. Мои двоюродные братья и сестра и две дочери Алексея Сергеевича — целый детский коллектив, которому было хорошо и очень интересно с взрослыми. Ездили на заброшенную мельницу ловить раков рачницами и руками, ловили рыбу, варили уху на костре. Тренировались в стрельбе из охотничьего ружья — к тому времени отец подарил мне двустволку двадцатого калибра, поскольку первые опыты стрельбы из прекрасных немецких «Симсонов» двенадцатого калибра, отцовского и дядиного, увенчались синяками и травмами от отдачи. Эти оба «Симсона» и сейчас мои любимые ружья, с которыми я охо-

чусь. А из того нового, подаренного мне отцом первого ружья, помнится, и первую свою настоящую дичь добыл (к сидящему на воде чирку подполз метров на пятьдесят). До того всё больше дроздов на вишнях в саду караулил, однако после первых не очень удачных опытов со стрельбой из двенадцатого калибра – уже с половинными зарядами пороха и дробы: мы вместе с отцом стали специально для этого отдельные патроны заряжать, чтобы травм не было. Дальность не больше пятнадцати-двадцати метров, настоящей дичи не добудешь, зато без синяков и разбитых пальцев – я бы терпел, но папа очень переживал.

Охотники на привале. П.П.Кадочников (в центре)
и А.С.Мальчевский (крайний справа). 1960-е годы.

Биологи – Николай Петрович и Алексей Сергеевич – рассказывали о природе, насекомых, птицах, зверях, растениях; актёры (кроме Павла Петровича у нас в семье ещё одна известная московская актриса, моя тётка и мамина сестра – Елена Славина) разыгрывали какие-то сценки и миниатюры, пели песни и читали стихи. Много смеялись, веселились искренне, учились легко. Николай Петрович, Павел Петрович и Алексей Сергеевич делали всё мастерски, было чему поучиться.

И научились главному – жить в полном согласии с окружающим нас миром...

